

На правах рукописи

Гарридо Валерия Владимировна

**ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ СИМВОЛА ДРАКОНА
В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ**

Специальность 5.7.2. История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН).

**Научный
руководитель**

Нижников Сергей Анатольевич
доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы

**Официальные
оппоненты**

Буров Владилен Георгиевич
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт философии Российской академии наук

Блажкина Анастасия Юрьевна
кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)

**Ведущая
организация**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук

Защита состоится «27» июня 2023 года в «11» часов на заседании диссертационного совета ПДС 1000.008 при Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы (УНИБЦ РУДН) и на сайте РУДН <http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан «___» мая 2023 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 1000.008**

А. З. Черняк

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Символ дракона находится в истоках духовной культуры Китая, является важной составляющей и связующей структурой китайского мировоззрения, связан непосредственно с культурно-исторической идентичностью и памятью китайского народа. За последние четыре десятилетия китайскими исследователями было издано большое количество работ, посвящённых символу дракона. Выявление истоков данного символа означает для них определение происхождения и специфики китайского этноса, осознание его единства. При этом китайскими учёными было выдвинуто множество версий относительно генезиса и эволюции символа дракона, и в защиту каждой версии были приведены разные археологические и текстовые документы. В связи с этим актуальной представляется идея рассмотреть основные концепции китайских исследователей о происхождении данного символа.

В настоящее время значения, объединённые в символе дракона, зачастую противоречивы и трудно понимаемы в отрыве от исторического и социально-политического контекста. Именно поэтому столь важным становится изучение символа дракона с позиций его исторического развития, а также исследование механизма «забвения – возрождения» и функциональности данного символа в XX–XXI вв. На примере центрального для китайского общества символа дракона данная диссертация демонстрирует динамику культурно-исторической памяти Китая, для которой характерны как упрочнение, так и распад связующих структур. Анализ подобной динамики, понимание механизмов восприятия своего прошлого и возрождения древности культурной элитой Китая важно для построения диалога российской и китайской цивилизаций, для мирного сосуществования и симфонического согласования разных культур, для понимания проблем, связанных с культурогенезом китайского народа, самоидентификацией и поиском национальной идеи Китая.

Степень разработанности темы исследования. В начале XX в. символ дракона становится одним из элементов национальной идеи, а в конце 1970–90-х гг. используется как ключевой для выражения общности китайской нации. Безусловно, этому способствовали многочисленные публикации и дискуссии китайских специалистов и учёных. Первоначально вопрос о генезисе и становлении данного

символа был поставлен в 1930-е гг. в рамках теории тотемизма. В частности, тему происхождения символа дракона развивали такие китайские исследователи и учёные, как Вэй Цзюйсянь (卫聚贤)¹, Сунь Цзоюнь (孙作云)², Ли Янь (李埏)³, Лю Чэнхуай (刘城淮)⁴, Ван Чанчжэн (王昌正)⁵ и др. Отдельно стоит выделить работы Вэнь Идо (闻一多)⁶, которые оказали большое влияние на китайскую общественность.

Тема генезиса символа дракона становится особенно актуальной в Китае в 1980–90-е гг. К основным работам данного периода можно отнести публикации Хэ Синя (何新)⁷, Чэнь Шоусяня (陈绶祥)⁸, Цай Ианя (蔡易安)⁹, Хэ Синляня (何星亮)¹⁰, Инь Жунфана (尹荣方)¹¹, Ван Кэлиня (王克林)¹², Ван Лицюаня (王笠荃)¹³, Ван

¹ Вэй Цзюйсянь 卫聚贤. Гу ши яньцзю 古史研究 [Изучение древней истории]. – Шанхай: Шанхай Вэньи чубаньшэ, 1990. – 386 с.

² Сунь Цзоюнь 孙作云. Дуньхуан хуа чжун дэ шэньгуай хуа 敦煌画中的神怪话 [Дуньхуанские росписи: картины о сверхъестественном] // Каогу 考古, 1960, 6.

³ Ли Янь 李埏. Лун чунбай дэ циюань 龙崇拜的起源 [Происхождение культа дракона] // Сюэшу яньцзю 学术研究, 1963, 9.

⁴ Лю Чэнхуай 刘城淮. Люэтань лун дэ шицзочжэ хэ мотэр 略谈龙的始作者和模特儿 [Краткое обсуждение создателя и образца дракона] // Сюэшу яньцзю 学术研究, 1964, 3.

⁵ Ван Чанчжэн 王昌正. Лун дэ яньцзю 龙的研究 [Исследование дракона] // Миньцзянь вэньсюэ луньтань 民间文学论坛, 1964, 3.

⁶ Вэнь Идо 问一多. Лун фэн 龙凤 [Дракон и феникс] // Шэньхуа юй ши 神话与诗 [Мифология и поэзия] / Вэнь Идо. – Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2005. – С. 58-62; Вэнь Идо 问一多. Фуси као 伏羲考 [Исследование образа Фуси]. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2006. – 207 с.

⁷ Хэ Синь 何新. Шэньлун чжи ми: дунси фан сысян вэньхуа яньцзю юй бицзяо 神龙之谜: 东西方思想文化研究与比较 [Тайна дракона: исследование и сравнение восточной и западной идеологии и культуры]. – Яньцзи: Яньбянь дасюэ чубаньшэ, 1988. – 466 с.; Хэ Синь 何新. Лун: шэньхуа юй чжэньсян 龙: 神话与真相 [Дракон: мифы и факты]. – Пекин: Ши ши чубаньшэ, 2002. – 436 с.

⁸ Чэнь Шоусян 陈绶祥. Чжунго дэ лун 中国的龙 [Китайский дракон]. – Лицзян чубаньшэ, 1988.

⁹ Цай Иань 蔡易安. Чжунго лунфэн ишу яньцзю 中国龙凤艺术研究 [Исследование искусства китайского дракона и феникса]. – Хэнань мэйшу чубаньшэ, 1987. – 318 с.

¹⁰ Хэ Синлян 何星亮. Чжунго тутэн вэньхуа 中国图腾文化 [Культура китайских тотемов]. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中国社会科学出版社, 1992. – 406 с.

¹¹ Инь Жунфан 尹荣方. Лун вэй шу шэнь шо 龙为树神说 [Рассуждение о драконе как дриадном божестве] // Сюэшу юэкань 学术月刊, 1989, 7. – С. 39-45.

¹² Ван Кэлинь 王克林. Лун тутэн юй ся цзу дэ циюань 龙图腾与夏族的起源 [Тотем дракона и происхождения рода Ся] // Вэньу 文物, 1986, 6. – С. 55-56.

Минда (王明达)¹⁴, Сяо Хуна (肖红)¹⁵, Цю Пу (秋浦)¹⁶, Лю Чжисюна и Ян Цзинжуна (刘志雄、杨静荣)¹⁷, Ма Сяосина (马晓星)¹⁸, Ши Синбана (石兴邦)¹⁹, Го Сяохуэя (郭晓晖)²⁰, Цзи Чэнмина (吉成名)²¹, Шао Готяня (邵国田)²², Цзя Хунъэня (贾鸿恩)²³, Сунь Шоудао (孙守道)²⁴ и др.

Стоит отметить, что для большинства китайских исследователей этого периода дракон представлялся, прежде всего, своеобразным символом идентичности и общности китайской нации, образом прошлого, который необходимо было возродить по запросу государства и общества. В частности,

¹³ Ван Лицюань 王笠荃. Лун шэнь чжи ми 龙神之谜 [Тайна Священного дракона] // Чжунго вэньхуа, 中国文化, 1991, 2.

¹⁴ Ван Минда 王明达. Е тань во го шэньхуа чжун лун синсян дэ чаншэн 也谈我国神话中龙形象的产生 [Вступая в беседу о происхождении мифологического образа дракона] // Сысян чжансянь 思想战, 1981, 3.

¹⁵ Сяо Хун 肖红. Лун юй юаньгу тутэн 龙与远古图腾 [Дракон и древний тотем] // Хэнань дасюэ сюэбао 河南大学学报, 1984, 1.

¹⁶ Цю Пу 秋浦. Шо лун шэньхуа 说龙 [Рассуждая о драконе], Миньцзянь вэньсюэ луньтань 民间文学论坛, 1988, 1.

¹⁷ Лю Чжисюн, Ян Цзинжун 刘志雄、杨静荣. Лун юй чжунго вэньхуа 龙与中国文化 [Дракон и культура Китая]. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1992. – 519 с.

¹⁸ Ма Сяосин 马晓星. Лун: и чжун вэй мин дэ шэньхуа 龙: 一种未知的生物 [Дракон: неизвестное животное]. – Пекин: Хуася чубаньшэ 华夏出版社, 1994. – 285 с.

¹⁹ Ши Синбан 石兴邦. Чжунхуа лун дэ мути хэ юаньсин ши «юй» – сун каогу цзыляо таньсо «чжунхуа лун» дэ циюань хэ фачжан 中华龙的母体和原型是“鱼”——从考古资料探索“中华龙”的起源和发展 [«Рыба» как исходный элемент и первообраз китайского дракона – Исследование истоков и эволюции китайского дракона на основе археологических материалов] // Пуян чжие цзишу сюэюань сюэбао 濮阳职业技术学院学报, 2011, 3.

²⁰ Го Сяохуэй 郭晓晖. Хуншань вэньхуа юйлун као 红山文化玉龙考 [Исследование нефритового дракона культуры Хуншань] // Бэйфан вэньхуа 北方文物, 1988, 1.

²¹ Цзи Чэнмин 吉成名. Чахай лунвэнь таоти хэ лунсин дуйсу яньцзю 查海龙纹陶体和龙形堆塑研究 [Исследование по обнаруженным в поселении Чахай керамическим плитам с орнаментом дракона и каменной кладке, выполненной в форме дракона] // Ляонин шифань дасюэ сюэбао 辽宁师范大学学报, 1998, 3.

²² Шао Готянь 邵国田. Аоханьци Наньтайди Чжаобаоугоу вэньхуа ичжи дяоча 敖汉旗南台地赵宝沟文化遗址调查 [Исследование местонахождения Наньтайди культуры Чжаобаоугоу в хошуне Аохань] // Нэй Мэнгу вэньхуа каогу 内蒙古文物考古, 1991.

²³ Цзя Хунъэнь 贾鸿恩. Нэй Мэнгу Вэннютэ ци Саньсинтала цунь фасянь юйлун 内蒙古翁牛特旗三星他拉村发现玉龙 [Нефритовый дракон был обнаружен в поселении Саньсинтала хошуна Вэннютэ Внутренней Монголии] // Вэньхуа 文物, 1984, 6.

²⁴ Сунь Шоудао 孙守道. 三星他拉红山文化玉龙考 [Исследование нефритового дракона культуры Хуншань, найденного в поселении Саньсинтала] // Вэньхуа 文物, 1984, 6.

поэтому в ходе написания диссертации были использованы работы Б. Андерсона²⁵, Я. Ассмана²⁶, М. Хальбвакса²⁷, Э. Хобсбаума²⁸, которые в той или иной степени исследуют динамику и механизмы культурно-исторической памяти в разных обществах.

На рубеже 2000-х гг. в Китае было издано большое количество книг и обзорных статей, посвящённых символу дракона. Это было связано с необходимостью систематизации и классификации прежних исследований, а также с целью разграничения символов восточного и западного драконов. В это время появляется целое направление – «культура китайского дракона» (лун вэньхуа 龙文化), которое вбирает в себя различные версии происхождения данного символа, рассматривает разные точки зрения на становление художественного образа, исследует памятники материальной и духовной культуры, связанные с символом дракона. Здесь следует отметить словарь по китайской культуре дракона («Чжунхуа лун вэньхуа цыдянь», 中华龙文化词典²⁹), книги Ван Лицюаня (王笠荃)³⁰, Пан Цзиня (庞进)³¹, Ван Дуна (王东)³² и др. Отдельно хотелось бы упомянуть книгу Ши

²⁵ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

²⁶ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

²⁷ Halbwachs, M. The collective memory. New York, Harper & Row Colophon Books, 1980, 182 p.

²⁸ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 16.03.2020); Eric Hobsbawm, Terence Ranger: The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge, 1992.

²⁹ Чжунхуа лун вэньхуа цыдянь 中华龙文化词典 [Словарь по китайской культуре дракона] / отв. ред. Оу Цинъюй 欧清煜. – Пекин : Чжунго вэньши чубаньшэ, 2002. – 629 с.

³⁰ Ван Лицюань 王笠荃. Чжунхуа лун вэньхуа дэ циюань юй яньбянь 中华龙文化的起源与演变 [Происхождение и эволюция культуры китайского дракона]. – Пекин: Цисян чубаньшэ, 2010. – 207 с.

³¹ Пан Цзинь 庞进. Чжунго сяньжуй: Лун 中国祥瑞: 龙 [Хорошие приметы Китая: Дракон]. – Сиань: Шэньси жэньмин чубаньшэ 陕西人民出版社, 2012. – 220 с.

³² Ван Дун 王东. Лун ши шэньмэ: Чжунго фухао синь цземи 龙是什么: 中国符号新解密 [Что такое дракон: заново расшифровывая китайскую символику]. – Пекин: Чжунъян бяньши чубаньшэ, 2012. – 412 с.

Айдуна (施爱东)³³, в которой символ дракона рассматривается сквозь призму исторических событий XVI–XX вв. в Китае и во всём мире.

При написании диссертации были задействованы публикации зарубежных исследователей. В целом, о драконе написано немало статей и книг как в зарубежной, так и в отечественной синологии. Следует отметить, в частности, работу Л. Ньютона Хейса «Китайский дракон»³⁴, в которой приводятся оригинальные концепции происхождения данного символа. Заслуживает внимания книга М. В. де Фиссера «Драконы в мифологии Китая и Японии»³⁵, в которой детально разбирается символ дракона как повелителя водной стихии (дождей, ураганов, наводнений), как небесного предзнаменования, приводятся фрагменты мифов и классических текстов, упоминающие о драконе. Также следует упомянуть книгу Р. Бэйтса «Всё о китайских драконах»³⁶, в которой рассматриваются концепции китайских исследователей о происхождении символа дракона. Следует отметить статью Р. Бласта «Происхождение драконов»³⁷, в которой автор рассматривает концепцию происхождения китайского дракона от радуги. Особого внимания заслуживает книга профессора Карлтонского университета Чжао Цигуана «Драконы, Восток и Запад»³⁸, в которой тщательно анализируются мифы и легенды о драконах на Востоке и Западе и устанавливается их сущностное единство, выявляется родство человеческих культур. Сам символ дракона рассматривается как биологический факт, психологический архетип и идеологический символ. При написании работы были использованы книги В. М. Гарретт «Китайское платье императора с вышивкой дракона»³⁹ и М. Карра

³³ Ши Айдун 施爱东. Чжунго лун дэ фамин: ши лю – эр ши шицзи дэ лун чжэнчжи юй чжунго синсян 中国龙的发明: 16–20 世纪的龙政治与中国形象 [Изобретение дракона: императорская политика (политика Дракона) и имидж Китая в XVI–XX вв.]. – Пекин: Саньянь шудянь (Sanlian shudian), 2014. – 296 с.

³⁴ Hayes, L. Newton. The Chinese Dragon. Commercial Press Limited, Shanghai, China, 1923. P. 65-66. URL: <http://library.umac.mo/ebooks/b31040160.pdf> (дата обращения 14.08.2020).

³⁵ Фиссер, М. В. Дракон в Китае и Японии [Сайт]. URL: <http://abhidharma.ru/A/Samsara/Content/Dragon.pdf> (дата обращения 09.11.2019).

³⁶ Bates, Roy. All about Chinese Dragons. – China History Press, 2007. – 138 p.

³⁷ Blust, Robert. The Origin of Dragons. – Anthropos 95(2), 2000. – P. 519–536.

³⁸ Zhao, Qiguang. Dragons, East and West. – Beijing: Dolphin Books, 2013. – 250 p.

³⁹ Garrett, Valery M. Chinese Dragon Robes. – Oxford University Press, 1998. – 72 p.

«Наименования китайского дракона»⁴⁰. В последней, в частности, представлена классификация драконов по категориям «летающий дракон», «водный дракон», «змеевидный дракон», «дракон – крокодил» и «смешанный тип дракона».

В отечественной синологии символ дракона рассматривается чаще всего в рамках исследований по древнекитайской мифологии, религии и искусству, реже в китайской философской или политической культуре. Среди работ по древнекитайской мифологии и религии следует отметить книги и статьи по мифологии Б. Л. Рифтина⁴¹; книгу Э. М. Яншиной «Формирование и развитие древнекитайской мифологии»⁴², её перевод и комментарии к «Шань хай цзин»⁴³, книгу Л. С. Васильева «История религий Востока»⁴⁴, энциклопедические книги В. В. Ежова и К. М. Королёва, исследования А. П. Терентьева-Катанского⁴⁵, А. Е. Лукьянова⁴⁶, в которых вскрывается логика родового мифа, показывается становление китайской философии из мифа. В книге Л. С. Васильева «Культы, религии, традиции в Китае»⁴⁷ приводится реконструкция архаической мифологической традиции, показана эвгемеризация мифологических образов в

⁴⁰ Carr, Michael. Chinese Dragon Names // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*, 13 (2), 1990. P. 87–189. URL: <http://sealang.net/sala/archives/pdf8/carr1990chinese.pdf> (дата обращения 14.08.2020).

⁴¹ Рифтин Б. Л. Китайская мифология // *Мифы народов мира* / Под редакцией С. Я. Токарева. В 2 т. – М., Советская энциклопедия, 1982; *Сказки Китая* / Пер. с кит, сост., предисл. Б. Л. Рифтина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 400 с.; Рифтин Б. Л. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. – М.: Наука, 1979. – 358 с.

⁴² Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М., Наука, 1984. – 248 с.

⁴³ Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Пред., пер. и комм. Э. М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 236 с.

⁴⁴ Васильев Л. С. История религий Востока. Учебное пособие для вузов. – 8-е изд. – М.: КДУ, 2006. – 704 с.

⁴⁵ Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. – СПб.: Формат, 2004. – 224 с.; Терентьев-Катанский, А.П. Китайская легенда о драконе // *Страны и народы Востока*. – Вып. 11. – М., 1971.

⁴⁶ Лукьянов А. Е. Древнекитайская философия. Курс лекций. Часть I. Становление китайской философии. Лекция 1. Миф и мифология. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 116 с.; Лукьянов А. Е. Древнекитайская философия. Курс лекций. Часть I. Становление китайской философии. Лекция 2. Древнекитайский космос. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 128 с.; Лукьянов А. Е. Древнекитайская философия. Курс лекций. Часть I. Становление китайской философии. Лекция 3. Архетипы культуры Дао. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 120 с.

⁴⁷ Васильев Л. С. *Культы, религии, традиции в Китае*. – М.: Восточная литература, 2001. – 488 с.

конфуцианстве и разработка народных верований и мифов в даосизме. Следует также отметить статьи А. И. Кобзева и Б. Л. Рифтина «Лун» («Дракон»), опубликованные во втором томе «Мифология. Религия» энциклопедии «Духовная культура Китая»⁴⁸; в них кратко приведены основные значения символа дракона, рассмотрены варианты происхождения данного символа (по материалам археологических находок, этимологии, реконструкции мифов), показана значимость символа дракона в космогонических представлениях и нумерологических схемах Древнего Китая.

Отдельного упоминания заслуживает книга А. А. Маслова «Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз»⁴⁹, в которой дракон рассматривается в магических ритуалах Древнего Китая либо как один из видов духа, либо как шаман-медиум, который соприкасался с этим духом, перевоплощаясь в него. В ходе написания работы были использованы работы Е. А. Торчинова⁵⁰, в которых автор рассматривает шаманизм как особую психологическую реальность, как глубинный (трансперсональный) опыт, описывает особенности психотехники в даосизме, раскрывает его архетипические и трансперсональные смыслы⁵¹.

⁴⁸ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Анисеева. 2007. – С. 506-511.

⁴⁹ Маслов А. А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. – М.: Алетейа: Культурный центр «Новый Акрополь», 2006. – 480 с.

⁵⁰ Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. – 384 с.; Торчинов Е. А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – 310 с.; Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». – 2-е изд. / Пер. Е. А. Торчинова. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2004. – 256 с.

⁵¹ Интересно, что Е. А. Торчинов занимался не только научной деятельностью, но и писал художественные произведения. Он написал трансперсональный роман «Таинственная самка», алхимический роман «Апостолы дракона» и роман странствий и инициаций «Китайская рапсодия». Эти романы, возможно, являются попыткой осмысления и выражения в художественной форме того уроборического архетипа целостности, который довлел над автором (Таинственная самка Дао – это тот же уроборический Первопредок); интересен в этом плане и комментарий А. И. Кобзева, который предполагает, что дракон – это глубинная психическая структура Е. А. Торчинова, его Самость, которую автор романа пытался осознать (Более подробно см.: Архив российской китаистики. Т. II / сост. А. И. Кобзев. С. 492–517; URL: https://www.synologia.ru/a/В_поисках_Таинственной_Самки (дата обращения: 03.07.2021).

В диссертационной работе символ дракона раскрывается в генезисе китайской философии, в частности, в «И цзин», даосизме и конфуцианстве, поэтому в ходе написания работы использовались исследования Б. Б. Виноградского⁵², В. Е. Еремеева⁵³, А. И. Кобзева⁵⁴, В. В. Малявина⁵⁵, а также статьи первого тома «Философия» энциклопедии «Духовная культура Китая». Большое внимание символу дракона в своих работах уделял А. Е. Лукьянов, более того, он рассматривал его не только как мифологический символ, но и как архетип китайской культуры, как символ Пращура, тождественного философской категории Дао, раскрывал его глубинное архетипическое значение в раннем даосизме, конфуцианстве и «И цзин», сумел выявить и продемонстрировать пятичастную модель сознания китайского человека⁵⁶.

При написании диссертационной работы были также использованы книги М. Е. Кравцовой⁵⁷ и авторов В. Л. Сычёва и Л. П. Сычёва⁵⁸, в которых символ дракона рассмотрен с искусствоведческой точки зрения. Стоит, тем не менее, заметить, что авторы показывают не только эволюцию иконографии образа дракона, но и раскрывают глубинное философское значение того или иного орнамента. Также

⁵² Виноградский Б. Б. Искусство управления переменами. Т. 1. Знаки Книги Перемен 1–30 / Б. Виноградский; сост. Ли Гуанди. – М.: Эксмо, 2017. – 864 с.; И-цзин – Чжоу И. Система Перемен – Циклические Перемены / Пер. с кит. Б. Б. Виноградского / Сост. В. Б. Курносова – М.: Северный ковш, 1999. – 528 с.

⁵³ Еремеев В.Е. Символы и числа «Книги перемен». – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Ладомир, 2005. – 600 с.

⁵⁴ Кобзев А. И. Китайская книга книг // Щуцкий, Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» – М.: Восточная лит-ра, 2003. – 606 с.

⁵⁵ Малявин В. В. Сумерки Дао: культура Китая на пороге Нового времени. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 560 с.; Малявин В. В. Чжуан-цзы. – М.: Наука, 1985. – 310 с.

⁵⁶ Лукьянов А. Е. Дао «Книги Перемен». – М.: ИНСАН, РФК, 1993. – 240 с.; Лукьянов А. Е. Древнекитайская философия. Курс лекций. Часть II. Философия даосизма. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 546 с.; Лукьянов А. Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). – Издание 2-е, исправл. и дополн. – М.: ИНСАН, РФК, 1992. – 208 с.; И цзин (Канон перемен) / Пер. и примеч. А. Е. Лукьянова. – М.: ИПЦ Маска; Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2018. – 392 с.

⁵⁷ Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. – СПб.: Лань, ТРИАДА, 2004. – 960 с.

⁵⁸ Сычёв Л. П., Сычёв В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. – М.: ИВ АН СССР, 1975. – 172 с.

следует отметить статью К. М. Писцова⁵⁹, в которой были систематизированы различные изображения символа дракона на имперских одеждах.

Исследования о драконе в политической культуре Китая содержатся в статьях А. М. Решетова⁶⁰, А. Б. Старостиной⁶¹, А. Э. Терехова⁶². Следует, тем не менее, заметить, что, несмотря на большое количество работ, посвящённых символу дракона, вопрос о происхождении, становлении и процессе ремифологизации данного символа в современном Китае мало изучен отечественными и западными востоковедами.

В диссертации символ дракона рассматривается как мифологема, которая как таковая относится к миру архетипов. В связи с этим были подробно изучены труды К. Г. Юнга⁶³, С. Н. Шпильрейн⁶⁴, Д. Кемпбелла⁶⁵, и психоаналитический подход был применён к исследованию данного символа. Целостное понимание архетипа и глубинное исследование символа как метафизического прослеживается в работах Э. Ноймана⁶⁶, М. Элиаде⁶⁷, Р. Генона⁶⁸, А. Ф. Лосева⁶⁹, П. А. Флоренского⁷⁰, М. К.

⁵⁹ Писцов К. М. «Неведома зверушка» с роскошного халата // Вост. Коллекция, 2006. № 4. – С. 27–36.

⁶⁰ Решетов А. М. Дракон в китайской политической традиции // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. – СПб., 1996. – С. 142-163; Решетов А.М. Дракон в культурной традиции китайцев // Сборник МАЭ. Л., 1981, Т. XXXVII. – С. 81–92.

⁶¹ Старостина А. Б. Споры о драконах – 2006 // Человек и культура Востока: Исследования и переводы. 2010. – М.: ИДВ РАН, 2010. – С. 95-111.

⁶² Терехов А. Э. Три аспекта ханьских представлений о драконах (лун) // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция. – М.: Вост. лит., 2011. – С. 334–352.

⁶³ Юнг К. Г. Архетип и символ [Сайт: Центр гуманитарных технологий]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4231> (дата обращения 14.08.2020); Юнг, К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции [Сайт] URL: <http://www.iakovlev.org/zip/jung2.pdf> (дата обращения 14.08.2020).

⁶⁴ Шпильрейн С. Деструкция как причина становления. – М.: Логос, 1994. № 5. – С. 207-239.

⁶⁵ Кемпбелл Д. Маски Бога. Изначальная мифология. Том 1 (часть 1). – М.: Касталия, 2019. – 236 с.; Кемпбелл Д. Маски Бога. Изначальная мифология. Том 1 (часть 2). – М.: Касталия, 2019. – 272 с.

⁶⁶ Нойманн, Э. Происхождение и развитие сознания: пер. с англ. / Э. Нойманн; пер. А. П. Хомик. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. – 462 с.

⁶⁷ Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект; Парадигма, 2005. – 224 с.; Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994. – 144 с.

⁶⁸ Генон Р. Символика креста. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 704 с.; Генон Р. Символы священной науки. Пер. с франц. – М.: Беловодье, 2002. – 496 с.

⁶⁹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.; Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.

Мамардашвили и А. М. Пятигорского⁷¹, А. Е. Лукьянова⁷², А. В. Сёмушкина⁷³, С. А. Нижникова⁷⁴ и др⁷⁵. Результаты их исследований также использовались в данной диссертации.

Объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Объект исследования – ключевые символы духовной культуры Китая.

Предмет исследования – генезис, эволюция и важнейшие мировоззренческие характеристики символа китайского дракона.

Целью диссертации является выявление наиболее существенных закономерностей генезиса и эволюции символа дракона, его важнейших мировоззренческих характеристик в духовной культуре Китая и их историко-философская оценка.

Для достижения указанной цели в диссертации поставлены следующие **исследовательские задачи**:

- 1) выявить генезис символа дракона, рассмотреть его как архетип целостности (уроборический архетип по Э. Нойманну);
- 2) определить механизм образования символа дракона в предфилософской мысли и описать его важнейшие сущностные характеристики;
- 3) прояснить феномен социальной десакрализации мифа и магического символа дракона в переходный период от рода к государству;

⁷⁰ Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. – Харьков: Фолио, 2000. – 381 с. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2434> (дата обращения 14.08.2020).

⁷¹ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. – М., 1997. – 224 с.

⁷² Лукьянов А. Е. Дао «Книги Перемен». – М.: ИНСАН, РФК, 1993. – 240 с.; Лукьянов А. Е. Древнекитайская философия. Курс лекций. Часть I. Становление китайской философии. Лекция 1. Миф и мифология. – М., ИДВ РАН, 2012. – 120 с.; Лукьянов А. Е. Древнекитайская философия. Курс лекция. Часть II. Философия даосизма. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 546 с.; И цзин (Канон перемен) / Пер. и примеч. А. Е. Лукьянова. – М.: ИПЦ Маска; Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2018. – 392 с.

⁷³ Сёмушкин А. В. Духовное познание и архетипы философских культур Востока и Запада: монография / Сёмушкин А. В., Нижников С. А.; рецензенты А. Е. Лукьянов, В. В. Сербиев. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 231 с.

⁷⁴ Нижников С. А. Духовное познание в философии Востока и Запада: Монография. – М.: РУДН, 2009. – 427 с.; Нижников С. А., Сёмушкин А. В. Архетипы философских культур Востока и Запад: Учебное пособие. – М.: РУДН, 2008. – 267 с.

⁷⁵ Козлов В. В. Интегративная психология. – М.: Психотерапия, 2007. – 528 с.

4) показать трансформацию мифологического и магического символа дракона в предфилософскую категорию в генезисе китайской философии;

5) определить важнейшие мировоззренческие характеристики символа дракона в имперском Китае и дать их историко-философскую оценку;

6) проанализировать и выявить предпосылки, причины и механизм «ремифологизации» символа дракона в Китае в XX – XXI вв., определить значимость символа дракона для китайской духовной культуры.

Научная новизна. В диссертации комплексно рассмотрены вопросы генезиса и становления символа китайского дракона. Научная новизна данной работы состоит в следующем:

1) Символ дракона впервые рассмотрен как одно из проявлений архетипа целостности, как уроборический архетип (по Э. Нойманну). В ходе диссертационного исследования установлено, что этот архетип присутствует в сознании каждого человека; более того, он маркирует прохождение различных стадий эволюции сознания как в общечеловеческом плане, так и в индивидуальном, отражает глубинную структуру психики и модель развития сознания. Выявление архетипической сути символа дракона ведёт к лучшему пониманию мифологического сознания древнего человека и истоков зарождения философской мысли.

2) В диссертации проанализирована трансформация мифологически-магического символа дракона в философский, рассмотрены причины социальной десакрализации данного символа, показано закрепление архетипических смыслов символа дракона в генезисе китайской философии (в частности, в «И цзин», конфуцианстве, даосизме);

3) В результате историко-философского осмысления символа дракона в имперском Китае (в частности, в политической, художественной, религиозной сферах) установлены предпосылки становления центрального для китайской культуры символа дракона, который отражает уникальность общества и выражает своеобразный «дух народа».

4) В диссертации выявлена и показана философичность символа дракона, которая заключается в том, что на всём протяжении эволюции китайской культуры дракон был и остаётся важнейшим реставрационным символом целостности

бытия-сознания и гармонии природно-социального организма. На всех этапах исторического развития китайского общества символ дракона воспроизводится с регулярной периодичностью, выводя на поверхность своё архетипическое значение: единство мировых процессов в их цикличности и переменах, целостность природно-социального организма, бытия-сознания.

5) Впервые в отечественной синологии проведено исследование символа дракона как ключевого для культурно-исторической идентичности и памяти китайского народа; на примере центрального для китайского общества символа дракона показана динамика культурно-исторической памяти Китая, для которой характерны как упрочнение, так и распад связующих структур.

6) В ходе исследовательской работы были выполнены перевод главы «Пустые суждения о драконах» трактата Ван Чуна «Лунь хэн» («Взвешивание суждений»)⁷⁶ и перевод текста «Эр сань цзы вэнь» («Ученики спрашивали»)⁷⁷. Следует отметить, что большинство работ китайских и западных исследователей не переводились до этого на русский язык: введение их в научный оборот также обуславливает новизну данной работы.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации систематизируют, дополняют и развивают предшествующие работы, посвящённые генезису символа дракона в китайской культуре, формируют стимул к продолжению поиска в данной области. Предпринятый в работе анализ символа дракона на основе синтеза различных подходов и методов (в частности, генетического, архетипического, сравнительно-исторического, герменевтического, общефилософского) может помочь в выработке единого целостного подхода в изучении конкретных символов и культурных универсалий. Результаты данного исследования могут быть использованы при подготовке научных работ, создания учебных пособий и курсов лекций со схожей тематикой.

⁷⁶ Перевод выполнен по изданию: Хуан Хуэйчжуань 黄晖撰. Лунь хэн цзяоши (ди и цэ) 论衡校释 (第一册) [Замечания и пояснения к тексту «Лунь хэн» (Первый том)]. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2018. – 604 с.

⁷⁷ Перевод выполнен по изданию: Юй Хаолян 于豪亮. Мавандуй бошу “Чжоу и” шивэнь цзяочжу 马王堆帛书“周易”释文校注 [Комментарии к отдельным знакам и исследование текста «Чжоу и» - рукописи на шелку, обнаруженной при археологических раскопках в Мавандуе]. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013. – 212 с.

Методология и методы исследования. При изучении эволюции символа дракона и его функционального спектра данная диссертация использует историко-генетический и архетипический⁷⁸, общефилософский, сравнительно-исторический (компаративный), структурно-функциональный и герменевтический методы. Историко-генетический и архетипический методы позволяют увидеть за всеми разнообразными формами и значениями символа дракона единый каркас и общее семантическое поле. Общефилософский метод позволяет рассмотреть символ дракона как метафизический. Сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы использованы для выделения сущностных характеристик символа китайского дракона при сопоставлении его с символом змеи и дракона в мифологии других народов, а также с другими ключевыми символами духовной культуры Китая, для отображения функционирования и распространения культа дракона в имперском Китае. Герменевтический метод использован в ходе анализа древнекитайских текстов, упоминающих символ дракона.

Положения, выносимые на защиту. В ходе диссертационного исследования автор приходит к следующим выводам, выносимым на защиту:

1) В ходе анализа и сопоставления идей К. Г. Юнга и С. Н. Шпильрейн установлен важный аспект дифференциации архетипа, архетипического образа и символа. Основное различие состоит в том, что архетип проистекает из самой природы сознания человека и природы вообще – из самой естественности *цзы жань* 自然; его можно назвать потенцией структурирования сознания человека в соответствии с реальностью. Архетип проявляется в сознании индивидуального человека в образах, представлениях, откровениях; он захватывает сознание императивно, он предзадан человеку как часть коллективного бессознательного.

⁷⁸ См.: Щепановская Е. М. Архетипический подход как метод гуманитарных наук // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Философские проблемы социальных и гуманитарных наук. Т.1. – СПб., 2008. – С. 70–74; Щепановская Е. М. Генезис и классификация мифологических архетипов: культурфилософский подход: дисс... канд. филос. наук: 09.00.13. – СПб., 2011. – 274 с.; Бойко О. А. Архетипический анализ как метод культурологического исследования // Сетевое издание Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). URL: http://abyss.su/_media/abyss_issue/9/5bojko_arxetipicheskij_analiz.pdf (дата обращения 20.03.2022); Иванова М. Г. Культурные архетипы как объект историко-философского анализа: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.03; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]. – М., 2017. – 197 с.

Символ, напротив, сотворится в естестве и единении сознательного и бессознательного, индивидуального и коллективного, общего (вневременного, характерного для всех и каждого) и частного (преходящего, личного).

2) Архетип, свернувшийся в символе дракона, универсален: он стягивает на себя различные «маски Бога»⁷⁹. Это попытка сознания осмыслить свой исток и генезис всего мироздания, ухватить и выразить не только структурирующие, но и деструктивные потенции человеческой психики, постичь динамическую силу Великого Единого и цикличность перемен. Символ дракона заключает в себе жизненную энергию и апеллирует не столько к разуму, сколько к чувствам, всегда вызывает сильные эмоции, воздействует на психику человека, заставляя его действовать по закодированному в нём поведенческому образцу.

3) Мифологический образ змеи можно считать одной из первичных форм постижения архетипа целостности, в котором универсальные и личностные смыслы объединяются в гармоничное единство. Змея или дракон-уроборос в мифологическом сознании родового человека – это не конкретная рептилия и не божество, а мыслительная категория, на которую человек опирается в познании себя и реальности, способ постижения природных циклов, в частности, цикла смерти и перерождения, жизни в бесконечном становлении и постоянном развитии.

4) Рациональная интерпретация символа дракона происходит на новом витке эволюции общества, когда человек окончательно выделяет себя из природно-родового единства и отбрасывает миф и магические практики как пережитки архаического времени (символически это выражается в победе Героя над Драконом). Магия десакрализуется, то есть перестаёт воспроизводиться родовым коллективом, утрачивает свою значимость. Символ дракона демонизируется, замещается другими символами, подвергается забвению.

5) В генезисе китайской философии символ дракона не исчезает, а осмысляется и видоизменяется в соответствии с новыми историческими условиями: он оказывается встроенным во многие классификационные схемы –

⁷⁹ «Маски Бога» – это название произведения Д. Кемпбелла, в котором предпринимается попытка описания основных мифологических сюжетов и образов, лежащих в основе большинства культур. Несмотря на разные формы символического выражения, мифологические образы открывают фундаментальное единство духовной истории человечества и в целом всего мироздания.

модели мироздания, становится философским символом – одним из ключей реставрации гармонии природы и человека. В раннем даосизме символ дракона используется при описании категорий Дао, *инь* и *ян*, круговых перемен (*чжюу* и 周易); в конфуцианстве он подвергается процессам эвгемеризации и антропоморфизации, что способствует закреплению данного символа в историографической традиции.

6) Символ дракона занимает важное место в политической сфере Древнего Китая – становится предзнаменованием, указывающим на волю Неба. Он также используется при описании внешности правителя, его чудесного зачатия или рождения, утверждается в девизе царствования, изображается на одеяниях и предметах быта правящего дома и к концу Ханьской династии закрепляется в качестве основного символа императора.

7) В диссертации установлено, что первичное отождествление символа дракона и Китая как страны происходит в Европе в результате взаимодействия и противоречия культур западных держав и китайской империи, а также подробно анализируется механизм «забвения – возрождения» и функциональности данного символа в XX в. и в современном Китае.

Степень достоверности и апробация результатов. По материалам диссертационного исследования опубликованы 13 статей, из них 3 статьи – в журналах, включённых в международную БД Scopus, 1 статья – в журнале, входящем в Перечень рецензируемых изданий РUDN, а также статьи, представленные автором в докладах на следующих международных и всероссийских конференциях: III Международной конференции молодых востоковедов в ИДВ РАН «Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны», г. Москва, 11–12 ноября 2015 г. (Доклад «Трансформация семантики образа китайского дракона во второй половине XX в.»); научной конференции «Девятые аркаимские чтения», г. Челябинск, 22–25 мая 2018 г. (Доклад «Китайский дракон как воплощение водной стихии»); I и II Международных конференциях «Россия и Китай: диалог культур», Чэнду – Москва, 2018 и 2019 гг. (Доклад «Образ китайского дракона в зеркале взаимоотношений западной и китайской культур»).

Структура диссертационного исследования. Диссертационная работа состоит из введения и основной части, делящейся на четыре главы. Глава 1 делится на три параграфа. Глава 2 делится на четыре параграфа. Глава 3 делится на четыре параграфа. Глава 4 делится на 5 параграфов. В конце диссертационной работы содержится заключение, библиографический список использованных источников и литературы, а также три приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** определена тема исследования, обоснована актуальность диссертационной работы, обозначены объект, предмет, цель и задачи исследования, освещена степень научной разработанности заявленной темы, сформулированы тезисы, выносимые на защиту, и пункты научной новизны, указано практическое значение данного исследования, определены его теоретико-методологические основания и структура, представлены сведения об апробации результатов исследования.

Глава первая «Генезис символа дракона в предфилософской мысли» посвящена выявлению истоков символа дракона. В **первом параграфе «Архетипическое толкование символа дракона»** диссертант даёт концептуальный анализ термину «архетип», приводит сравнительный анализ понимания архетипа, архетипического образа и символа в теориях К. Г. Юнга и С. Н. Шпильрейн. В символе дракона проявляется архетип целостности (уроборический архетип по Э. Нойманну), который изначально присущ сознанию человека и проистекает из самой природы, естественности *цзы жань* (自然). В максимально упрощённом виде символ дракона представляет собой изогнутую линию (круг, спираль) и несёт в себе и на себе скрученность и дальнейшее разворачивание изначального пространства и времени, путь становления и эволюции человеческого сознания.

Второй параграф «Проявление архетипа целостности в мифологеме дракона» рассматривает мифологический образ дракона. Автор диссертации предполагает, что наглядный образ змеи или дракона – это не просто отражение в сознании конкретных животных, не выдумка и не фантазия древнего человека, а способ постижения внутренних глубинных и внешних природных сил,

превосходящих человека; это мыслительная категория, на которую человек опирается в своём познании реальности, первичная форма архетипа целостности, которая в дальнейшем сворачивается в символ истоков мироздания и самого человеческого сознания.

В третьем параграфе «Символ дракона в магии и шаманизме» раскрывается суть древних ритуальных практик, связанных с жертвоприношениями, в частности, высказывается предположение, что ритуал изначально повторял опыт дезотождествления индивидуального сознания с телесно-эмоциональным Эго и буквально воспроизводил идею умирания и нового воскрешения: он подводил членов родовой группы к откровению, к соприкосновению с высшими силами инобытия в личном опыте, и возвращал их, преображённых, обратно – из мира вечного в мир вещный. В параграфе показано, как мифологическое сознание сменяется сознанием магическим, и человек познаёт единство троичности – жизни, смерти (перерождения) и изначально вечной жизни (бессмертия), а образ Великого уроборического Первопредка – змеи или дракона – начинает использоваться шаманами для установления связи между миром видимых вещей мироздания и миром невидимым, но ощущаемым беспредельно. Этот образ оказывается медиатором, объединяющим три начала: Небо, Землю и Человека. Более того, он связывает жизнь и смерть и становится проводником в мир вечности.

Вторая глава «Символ дракона в генезисе китайской философии» описывает дракона как ключевой символ китайской духовной культуры. Данный символ находится в истоках китайской философии и с самого начала включается в классификационные (космогонические и космологические) схемы мироустройства. Он неминуемо сопровождается другими символами, оказывается неразрывно с ними связанным, и эта символическая взаимосвязь составляет уникальную картину китайской культуры – своеобразный замкнутый мир памяти китайского народа.

Первый параграф «Символ дракона в переходный период от рода к государству» описывает символ дракона как реставрационный символ гармонии человека и природы в генезисе китайской философии. Переходный период от родовой организации к государственному устройству характеризуется эволюцией человеческого сознания – победой рационально-логического типа мышления над магически-мифологическим (что выражается и впоследствии закрепляется в

архетипическом мотиве борьбы Героя и Дракона). Это ведёт к выделению человека из природно-родового единства, способствует рациональному осмыслению окружающего мира и становлению человека «как меры всех вещей».

Второй параграф «Символ дракона в философских космогонических схемах Древнего Китая» показывает, что в генезисе китайской философии мифологический образ дракона не устраняется, а, напротив, оказывается встроенным во многие классификационные схемы – модели мироздания, становится символом космогонии и космологии, целостности бытия и мышления (медиатором, выводящим сознание конкретного человека к архетипу целостности).

В параграфе описана трансформация символа дракона из мифологического, воплощающего собой природную стихию и родовой космос, в философский символ. Такие характеристики символа дракона как непознаваемость, двойственность, переменчивость и способность менять свой облик, получили философскую разработку и начали использоваться для описания постоянства перемен и цикличности мировых процессов, процесса саморазворачивания Дао.

В параграфе указано, что сами классификационные (космогонически-космологические) схемы являются определённым интеллектуально-мистическим постижением постоянно распрямляющейся и постоянно сворачивающейся реальности – архетипического Первопредка (Великого Дракона), «хаосокосмического пульсара»⁸⁰. Одновременно они являют собой графически-нумерологические карты, позволяющие конкретному индивиду пройти путь назад, к истокам мироздания и хаосу бессознательного, а затем вновь вернуться в космос мириад вещей. Автор диссертации полагает, что для постижения глубинного (онтологического) смысла ранней китайской философии необходимо, с одной стороны, интеллектуальное усилие – изучение символов и категорий, с другой – личный живой опыт, чаще всего достигаемый в практиках медитации или, говоря словами П. Адо, в «духовных упражнениях»⁸¹, которые позволяют человеку без слов ощутить себя вне времени и пространства, прикоснуться к метафизической реальности.

⁸⁰ Лукьянов А. Е. Древнекитайская философия. Курс лекция. Часть III. Философия конфуцианства – «Четверокнижие» («Сы шу»). – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 27.

⁸¹ Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. при участии В. А. Воробьева. М.; СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло». – 448 с.

Третий параграф «Архетипический символ Дао-дракона у Лао-цзы» рассматривает Дао не столько как абстрактную категорию, сколько как постоянно переменяющуюся реальность, которую Лао-цзы ощущает непосредственно в своём личном опыте и которую он выражает в новой символической форме. Дао, вбирающее в себя противоположности *ян* и *инь*, небытия (*у* 无) и бытия (*ю* 有), на архетипическом уровне оказывается тем же мифологическим драконом или змей-уроборосом, постоянным циклом жизни-смерти, всеобъемлющим пульсаром хаоса-космоса.

Четвёртый параграф «Мифологическая десакрализация символа дракона в конфуцианстве» показывает, что под влиянием рационально-логического мышления мифологический символ дракона подвергается процессам десакрализации, историзации и антропоморфизации, однако, внешне отрицая миф, рационалистическое мышление сохраняет его глубинное, архетипическое содержание, закрепляет в культурной памяти и историографической традиции.

В параграфе делается вывод о том, что в конфуцианстве через включение мифа в историю осуществлялось построение нового социального космоса на фундаменте природно-родового и реставрация связи и гармонии трёх миров (Небесного, Человеческого и Земного). Этот процесс был, с одной стороны, естественно-спонтанным, и в этом случае его можно рассматривать как явление актуализации и самовоспроизведения архетипа в культуре. С другой стороны, это было сознательной попыткой совершенномудрых вернуть утраченную гармонию и упорядочить историю (миф). Таким образом стирался отрыв человека от природного начала, восстанавливалась связь времён и преемственность поколений, а цивилизация обретала свою архетипическую древность.

Третья глава «Философское осмысление символа дракона в имперском Китае» описывает дальнейшую эволюцию символа дракона в китайской духовной культуре. **Первый параграф «Предпосылки формирования имперского символа дракона: дракон как знамение и Небесное откровение»** показывает, что при разрушении родового строя миф не исчезает: он трансформируется в соответствии с исторической реальностью и

начинает использоваться для описания важнейших понятий человеческой и общественной жизни. Посредством символа дракона стали осмысляться также исторические и политические процессы: с этой целью, в частности, могли использоваться мотивы появления или отсутствия драконов, борьбы драконов или их смерти в Поднебесной.

В параграфе описано, каким образом дракон из родового цельного символа сворачивается в Небесное предзнаменование, делается вывод о том, что на основе и посредством родового мифа (Небесный Дракон) создаётся новый политический миф (Дракон – император). Он проецируется на древность, а затем – через авторитет традиционного мифа – транслируется в настоящем и переносится в будущее (практика обращения к древности в моменты кризиса будет характерной чертой всей духовной культуры Китая). Связь времён налаживается, время закругляется. При этом выстраивается не только связь исторических времен, то есть горизонталь «прошлое – настоящее – будущее», но и метафизическая связь, то есть вневременная вертикаль «человек – вечность»: человек согласует свою общественную и политическую деятельность сообразно Небесной воле и создаёт новый политический, цивилизационный космос.

Второй параграф «Философское осмысление иконографии и семантики символа дракона в качестве имперского орнамента» выявляет глубинное метафизическое значение орнамента дракона на имперских одеяниях, утвари, предметах быта. В параграфе показано, что император мыслился не как простой человек, а как божество – медиатор Небесного мира и Поднебесной, хранитель вселенской гармонии, поэтому императорский костюм и предметы быта должны были подчёркивать его центральное положение. Любой узор на платье императора не был случаен, каждая деталь имела своё космологическое значение, а само одеяние императора было схемой всего мироздания: тем самым узоры Неба и Земли (узоры природного космоса) были скопированы и перенесены в социально-политическую сферу.

Третий параграф «Культ Лун-вана (царя драконов) в буддизме, даосизме и народных верованиях» показывает как символ дракона фигурировал в религиозной сфере Древнего Китая. В параграфе подробно рассмотрены причины популярности Лун-вана, который первоначально был

лишь переводом буддийского понятия «Нага». Во-первых, этому способствовали буддийские адепты, которые для популяризации и распространения своего учения в Китае заимствовали и трансформировали символ китайского дракона, наложив на него новый пласт смыслов. Во-вторых, в результате соперничества буддийских и даосских школ образ Лун-вана был переосмыслен в рамках сугубо китайских религиозных течений и получил дальнейшую разработку в даосских школах. В-третьих, культ Лун-вана оказался выгодным правящему дому, ведь император и до этого отождествлял себя с драконом. В параграфе делается вывод, что все вышеперечисленные факторы способствовали становлению повсеместного культа Лун-вана, утверждению этого образа в народных верованиях и в фольклоре.

Четвёртый параграф «Представления о китайском драконе на Западе: от идеализации до “демонизации”» демонстрирует, что несмотря на чрезвычайную популярность и широкое распространение символа дракона в имперском Китае, он, тем не менее, не был и не мог быть китайским государственным или национальным символом. В параграфе рассматриваются представления о китайском драконе в европейских странах, делается вывод о том, что именно в результате взаимодействия и противоречия культур западных держав и китайской империи произошло первичное отождествление символа дракона и Китая.

Четвёртая глава «Символ дракона как возрождённая традиция и универсалия китайской культуры» описывает дальнейшую эволюцию символа дракона в Китае XX–XXI вв. **Первый параграф «Тотем дракона»** рассматривает концепции китайских исследователей о символе дракона как тотеме, подробно анализируя теорию «составного тотема» ученого-литератора Вэнь Идо. В параграфе делается вывод о том, что теория о существовавшем в древности тотеме дракона стала для многих китайских исследователей путеводной нитью, что связывает времена. Посредством символа дракона китайская нация обретала «прошлое», при этом история её развития изображалась целостной, когерентной, указывала на преемственность традиции и постепенное объединение разных народностей в единую нацию.

Второй параграф «Возрождение традиций и формирование национального символа дракона» описывает процессы формирования «коллективной идентичности» китайской нации, демаоизации и деидеологизации общества после Культурной Революции, которые, в том числе, сопровождались воспроизводством забытых традиций и культурных ценностей. В параграфе делается вывод о том, что символ дракона, ставший столь популярным в конце XX в. в Китае, можно рассматривать как элемент возрожденной традиции, намеренно включённый в горизонт настоящего и наделённый новыми смыслами и значениями.

Третий параграф «Основные концепции происхождения образа дракона (по материалам китайских специалистов)» рассматривает различные версии китайских исследователей о генезисе символа дракона. В параграфе показано, что в решении данного вопроса китайские исследователи придерживаются довольно материалистических позиций. Посредством выявления истоков символа дракона в эпоху неолита китайские исследователи создают ощущение социокультурной принадлежности и общей памяти китайского народа, иллюстрируют этногенез и специфику развития китайской нации, доказывают единый исток и закономерную эволюцию китайской цивилизации, тем самым стирая различия сменяющихся во времени и пространстве этносов, народов, обществ.

Четвёртый параграф «Споры о значении символа китайского дракона в условиях современной реальности» анализирует споры о символе дракона, разгоревшиеся в блогосфере КНР в 2006 г. Причиной послужило то, что дракон, ставший уже к этому времени центральным символом, не был утвержден в качестве талисмана Олимпийских Игр 2008 г. Некоторые китайские исследователи заявили, что стоит отказаться от символа дракона (弃龙 *ци лун* или 废龙 *фэй лун*), поскольку он может спровоцировать негативные ассоциации у иностранцев; другие исследователи убеждали свои аудитории, что отказаться от символа дракона невозможно, потому что это центральный и основополагающий символ всей китайской культуры. В параграфе также показано, что в начале XX в. наблюдается тенденция обобщения разных гипотез о происхождении данного символа, видны попытки представить дракона максимально широко, показать поступательную эволюцию символа дракона – и соответственно поступательное развитие китайского общества.

Пятый параграф «Дракон как метафизический символ» является завершающим параграфом: в нём дракон рассматривается как символ, связывающий три измерения человеческой деятельности – социальное, временное и вневременное. Говоря о драконе как метафизическом символе автор диссертации приходит к выводу о возможности раскрытия сакральной сути символа в личном опыте «встречи» с ним, в соприкосновении с его глубинной архетипической сутью, когда символ становится для исследователя живым и экзистенциально значимым, ощущается как путеводная нить в мир собственного сознания. Такое переживание символа возвращает человека к его собственным истокам и приоткрывает завесы изначальных смыслов бытия и небытия.

В параграфе делается вывод о том, что дракон – это символ глубинных трансформаций, перемен, протекающих во времени-пространстве бытия-сознания. Представленный в форме спирали, устремляющейся вверх, этот символ олицетворяет собой путь эволюции человеческого сознания, показывает «процесс развёртывания сущности человека»⁸²; в форме круга он являет собой, во-первых, исток индивидуального сознания (хаотически-цельного, коллективного бессознательного), во-вторых, состояние целостного сознания, которого можно достичь в личном опыте дезотождествления себя со своей телесностью (Эго-сознанием), в-третьих, состояние просветления. Именно состояние просветления, достижение максимальной осознанности, обладает магнитической силой притяжения, и к нему стремится человек на протяжении всей своей жизни.

В **Заключении** формулируются ключевые выводы. В целом, в диссертации символ дракона был рассмотрен как архетип, присущий изначально человеческому сознанию, как миф и магический символ, как философская предкатегория, как образ памяти и символ коллективной идентичности китайского народа, как универсальный метафизический символ.

В **Библиографии** содержится перечень работ, использованных при написании диссертации.

В **Приложении** публикуются иллюстрации, авторские переводы главы «Пустые суждения о драконах» трактата Ван Чуна «Лунь хэн» («Взвешивание

⁸² Нижников С. А. Проблема духовного в западной и восточной культуре и философии: Монография. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – С. 16, 18.

суждений») и текста «Эр сань цзы вэнь» («Ученики спрашивали...»), обнаруженного при археологических раскопках в Мавандуе.

III. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

В журналах, входящих в базу данных Scopus:

1. Гарридо В. В. Представления о китайском драконе как Небесном предзнаменовании // Религиоведение. 2023. №1. – С. 22–28.
2. Natalya V. Pushkarskaya, Valeriia V. Garrido, Wu Xing 五行 and Wu Sheng 五声 in Chinese Music Culture // Astra Salvensis, 2020. – P. 507–514.
3. Гарридо В. В. Образ дракона Лун-ван в религиозных верованиях Древнего Китая // Религиоведение, 2020. №1. – С. 67–72.

В журнале, входящем в Перечень рецензируемых изданий РУДН:

4. Гарридо В. В. Символ дракона в космогонических схемах Древнего Китая // Вопросы философии. 2023. №4. – С. 156–166.

В сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

5. Ступникова В. В. Трансформация семантики образа китайского дракона во второй половине XX века // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны: доклады, представленные на III международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 11-12 ноября 2015 г.). Совет молодых ученых ИДВ РАН. – М.: ИДВ РАН, 2016. – С. 172–177.
6. Ступникова В. В. Китайский дракон как воплощение водной стихии // Горизонты цивилизации, 2018. № 9. – С. 339–346.
7. Гарридо В. В. Образ китайского дракона в зеркале взаимоотношений западной и китайской культур // Россия и Китай: диалог культур (I и II Международные конференции (Чэнду – Москва, 2018)). – М.: ИДВ РАН; Сычуаньский университет, 2019. – С. 68–88.
8. Main Symbols In Cultural Memory Of China // Social and Cultural Transformations in The Context of Modern Globalism, 2021. Vol. 117. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – European Publisher. – P. 604–610.

А также в других изданиях:

9. Ступникова В. В. К вопросу о происхождении образа китайского дракона) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. №8. – С. 21–26.

10. Ступникова В. В. «Канон Перемен» из глубины времен // Вестник Российского университета дружбы народов. Философия, 2015. №4. – С. 77–87.

11. Ступникова В. В. Философско-лингвистическое прочтение образа дракона (на основе материалов гадательных надписей цзягувэнь // Вестник БГУ. Философия, 2016. №3. – С. 127–134.

12. Ступникова В. В. Дракон в зеркале чэньюев. Обзор чэньюев с образом дракона: таблица // Человек и культура Востока: Исследования и переводы – 2012 / Сост. и отв. ред. В. Б. Виноградская. – М.: ИДВ РАН, 2014. – С. 321–329; 330–352.

13. Ступникова В. В. Основные концепции происхождения образа дракона. По материалам научных публикаций китайских исследователей // Человек и культура Востока: Исследования и переводы – 2014 / Сост. и отв. ред. В. Б. Виноградская. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 195–210.

Гарридо Валерия Владимировна
Историко-философское осмысление символа дракона
в духовной культуре Китая

В диссертации проведено комплексное исследование генезиса и становления символа китайского дракона. Показано, что символ дракона находится в самых истоках духовной культуры Китая, является важной составляющей китайского мировоззрения, архетипом сознания. Своё первичное наглядное воплощение данный символ находит в мифах родового общества, затем закрепляется в магических практиках и получает дальнейшую разработку в генезисе китайской философии. В диссертации символ дракона рассмотрен в сопоставлении с важнейшими философскими категориями Древнего Китая (Дао, Инь-Ян, три начала, четыре образа, пять стихий-первозлементов); показано, как символ дракона раскрывается в «И цзин», даосизме, конфуцианстве. На всех этапах развития китайского общества символ дракона воспроизводится с регулярной периодичностью, выводя на поверхность своё глубинное архетипическое значение: единство мировых процессов в их цикличности и переменах, целостность человека и природы. В диссертации выявлен надындивидуальный вневременной характер символа дракона, показано, как происходит его трансформация из архетипического образа в метафизический символ.

Garrido Valeriia Vladimirovna
Philosophical Analysis and Historical Understanding of the Dragon Symbol in Chinese
Culture

This thesis is a comprehensive study of the genesis and formation of the Chinese dragon symbol. It is shown that the symbol of the dragon is deeply rooted in Chinese culture and civilization. Moreover, it is a universal symbol, an implementation of the archetype of collective unconsciousness. The symbol of the dragon finds its primary visual embodiment in the myths of the tribal society, then it is fixed in magical practices and is further developed in the genesis of Chinese philosophy. This thesis shows the deep connection of the symbol of dragon with the most important philosophical categories of Ancient China such as Tao, Yin-Yang, three treasures (*san bao*), four images, five elements etc.; it shows also the deep meaning of the symbol of the dragon in the “Book of Changes”, Taoism, Confucianism. The symbol of the dragon can be found at all stages of the evolution of Chinese society, bringing to the surface its archetypal meaning: the unity of world processes in their cyclicity and change, the integrity of man and nature. The thesis reveals also how the dragon transforms from an archetypal image into a metaphysical symbol.